

И.П. Павлова

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

История Временного правительства в последнее время вновь привлекает внимание историков. Связано это с тем, что деятельность этого правительства, несмотря на кратковременность, является в российской истории единственной практической реализацией всего комплекса либерально-буржуазных представлений об обществе. Выбор модели развития, который делает российское общество сегодня, требует анализа опыта всех этапных социальных "экспериментов". В связи с этим важно исследование попыток преобразования структур социального призрения, существовавших до февраля 1917 года, и создания новых форм, использования новых методов социальной работы. Социальная политика Временного правительства - это результативная, итоговая составляющая всей буржуазной социологической мысли в этой сфере, не сдерживаемой после февральского этапа революции политическими обстоятельствами. При этом нужно учитывать, что многие направления социальной работы, запланированные в период от февраля до октября 1917 года, так и не были реализованы, но их также необходимо принимать во внимание, чтобы создать общую картину социальной политики буржуазного правительства.

В качестве предварительного замечания необходимо указать, что данный анализ архивных и опубликованных документов не ставит своей целью найти ответ на вопрос, в какой степени деятельность Временного правительства реализовала программные установки буржуазных партий. Автор одной из новейших работ о функционировании временного правительства Н.В. Белошапка указывает, что это правительство было подготовлено либеральными партиями задолго до его образования [1]. Однако в программных материалах абсолютного большинства политических партий социальная работа, общественное призрение как способ решения социальных проблем отсутствовали. Эта сфера общественной политики не считалась в предреволюционный период важной, стратегической. Кроме того, каждодневная работа в правительстве представляла собой решение первоочередных практических вопросов. П.Н. Милоков вспоминал, что правительство "утонуло в массе вопросов, требующих немедленного решения" [2]. Отсюда можно сделать предварительное предположение о том, что мероприятия Временного правительства в области социального призрения носили бессистемный и спорадический характер. Данная статья ставит своей целью проверку этой гипотезы.

Рассмотрим организационные основы работы правительства в сфере социальной политики. История Временного правительства - это история коалиционных кабинетов, с формированием которых изменялась и структура аппарата его управления. Как известно, в составе первого правительства не было выделено особого министерства по социальным вопросам. Первоначально был взят курс на централизацию благотворительного дела. По итогам совещания комиссаров по благотворительным учреждениям приняли постановление "О подчинении самостоятельных благотворительных организаций подлежащим ведомствам и учреждениям" [3]. Прошения и жалобы граждан направлялись в канцелярию по принятию прошений, работавшей под руководством специального комиссара Д.Д. Гримма. Однако специальный координирующий социальную помощь орган власти стал необходим. Министерство Государственного призрения было образовано после апрельского кризиса. В созданное 2-3 мая первое коалиционное правительство вошел в числе других социалистов в качестве министра государственного призрения кн. Д.И. Шаховской (кадет). Однако в ходе июльского кризиса 2 июля группа министров-кадетов, в том числе Шаховской, подала в отставку. Обязанности министра исполнял член Четвертой Государственной Думы А. А. Барышников. Нам представляется, что в отличие от других новых министерств и подразделений образование министерства призрения было вызвано не только коалиционной политикой, но и требованиями времени. Второе коалиционное правительство было сформировано 24 июля. Министром государственного призрения стал представитель радикально-демократической партии И.Н. Ефремов. В третьем коалиционном правительстве, начавшем работу 25 сентября, вновь портфель министра призрения занял кадет Н.М. Кишкин.

Население по-разному понимало направление деятельности социального ведомства, что нашло отражение в различных наименованиях министерства, которые давались ему при обращениях с мест. Наряду с официальным наименованием встречаются такие, как "министерства благотворительности", "министерство общественного призрения", "социальное министерство".

Работа аппарата министерства испытывала постоянное давление революционной среды. Брожение захватывало в этом году и министерские структуры. 13 июня кн. Голицын - комиссар Временного правительства от министерства призрения в Москве - телеграфировал в Петербург: "Младшие служащие объявили забастовку всем учреждением ведомства, подвергли меня грубому насилию и оскорблению. Вынужден сложить обязанности комиссара" [4]. Неустойчивость в работе Временного правительства и непредсказуемость революционного процесса сказывалась на трудовой дисциплине служащих. В августе министр И.Н. Ефремов должен был начать работу с наведения порядка в самом министерском аппарате. 18 августа было приказано "всем служащим являться на службу не позднее 11 часов и оставлять оную не ранее 5 часов пополудни" [5].

В дореволюционный период для так называемой благотворительной общественности самым важным для реорганизации социальных институтов представлялся вопрос о созыве съезда по вопросам попечения и благотворительности. В течение всего 1917 года в рамках Министерства дискутировался вопрос о необходимости созыва съезда по проблемам социального призрения. Однако организация, подготовка такого мероприятия требовала времени,

громоздкого организационного аппарата. Поэтому после московского совещания по вопросам социального попечения признали необходимым ограничиться петроградским [6]. На совещаниях был поставлен вопрос о социальном законодательстве. Очевидно, поводом для быстрее решения вопроса о законодательстве общественного призрения стала проблема нищих, бедствующих вообще в столицах, так как она обостряла социальную напряженность. Вопрос о призрении рассматривали параллельно с разработкой нового городского положения. Уже 22 февраля 1917 года появилось предложение об установлении в пользу городских попечительств налога в пользу бедных. Было решено передать вопрос о законодательстве в Москву "ввиду перегруженности теперь делом Петрограда". Еще одной причиной "отсылки" законодательской работы в этот город была отлаженность социальной помощи в Москве на уровне районов и города в целом, что опыт Москвы мог быть положен в основу будущего законодательства по общественному призрению.

Первое заседание по подготовке законопроекта состоялось в Москве 28 апреля 1917 года и проходило под председательством члена городской управы В.И. Григорьева. На заседании присутствовали: Г.А. Мейнгард, С.В. Бахрушин, С.В. Сперанский, Н.В. Несмеянов, П.И. Алексеев, А.М. Мелких, П.А. Рождественский, А.П. Зякин и Ю.М. Астрова. Практическую задачу выработки законов сразу обозначили как "невозможную при данных условиях общественной жизни". Участники совещания видели, что в условиях революционного процесса средств для организации обязательного государственного призрения не было. Приняли решение лишь обозначить основные проблемы социальной политики. Среди них главные: об обязательности призрения, о категориях лиц, подлежащих такому призрению, о центральных и местных органах призрения, о средствах на него (государственное или коммунальное финансирование), о возможности установления специальных налогов в пользу бедных для усиления средств местных учреждений и т.д. Практика первых месяцев деятельности советов (комитетов) выявила неизбежность конфликтов между городскими попечительствами о бедных и нарождающимися районными организациями. Первой задачей оказывалась необходимость, как сказал в своем выступлении С.В. Бахрушин, согласования деятельности тех и других. На совещании возникла дискуссия о месте городских попечительств о бедных в структуре социального призрения. С.В. Сперанский считал, что с созданием новых районных советских органов учреждения попечительства для бедных могли бы стать только благотворительными, факультативными организациями.

Особое совещание рассмотрело вопрос и о "месте" концентрации средств на социальную помощь. Наиболее перспективным казался принцип "трудового эквивалента", т.е. обязательная помощь должна оказываться там, где "впавший в нужду трудился в течение определенного времени на общественную пользу". Финансирование должно было осуществляться "снизу вверх", т.е. средства высших территориальных структур должны были быть задействованы лишь при нехватке их в низших территориальных социальных организациях. В последнюю очередь должны привлекаться средства государства [7].

Иной подход мы находим в материалах комиссии, образованной Петроградской городской управой для разработки проекта положения об управлении общественным призрением г. Петрограда. В состав комиссии под председательством товарища Городского головы А.В. Луначарского вошли председатель комиссии по благотворительности Н.И. Татищев, гласный С.В. Панина, управляющий делами особого присутствия по разбору и призрению нищих К.И. Ануфриев и др. В опубликованном докладе комиссии говорилось: "Демократическое мирозерцание не может допускать взгляда на помощь бедняку как на акт милосердия, а заставляет рассматривать ее как обязанность государства поддерживать наиболее слабые элементы населения, что побуждает город неотлагательно перейти от факультативной системы помощи к обязательному призрению" [8]. Помощь предусматривалась лишь в размере "минимума необходимого" и ставилась в зависимость от причин, вызывающих бедность. Эти причины, категории призреваемых предполагали определенный тип помощи:

причины случайного характера - открытое призрение;

дети, калеки, старики - закрытое призрение;

слабовольный, апатичный и в значительной мере склонный к преступности элемент - исправительно-принудительное призрение.

В соответствии с выделенными социальными группами были образованы 3 подотдела и необходимый в условиях войны четвертый отдел помощи военно-увечным. Участники петроградской комиссии считали очень важным реализовать идею государственного призрения в трехмиллионном Петрограде с тем, чтобы опыт столицы затем обобщить и распространить на всю страну. По итогам этого совещания в "Вестнике городского самоуправления" был напечатан план структурной организации открытого и закрытого призрения. При каждой районной думе образовывались отделения социального попечения, опирающиеся на работу домовых комитетов [9]. Таким образом, мы видим две различные модели решения социальных проблем: московскую и петроградскую. Первая, задуманная на основе опыта районных попечительств, в качестве основы ставила "местноорганизованное" призрение. Вторая - обязательную государственную помощь, которая расширялась по этой модели до заботы о безработных и мероприятий с уклоняющимися от труда. Однако оба подхода в перспективе имели в качестве стратегической цели обязательное государственное призрение.

В наиболее общем виде эти принципы работы нового министерства можно видеть в подготовленной к напечатанию брошюре "Очерк теории призрения бедных (к образованию в России Министерства государственного призрения)"¹, автором которой был известный деятель благотворительности В.Д. Могульский. Проанализировав исторический путь развития социальной поддержки обществом обездоленных, автор пришел к выводу, что организационным принципом деятельности министерства должна стать децентрализация, участие государства вообще должно быть только

субсидиарным (финансы), принципиальным и руководящим. В современном государстве центральное место должны занимать меры социальной профилактики: ссудосберегательные кассы, народные банки, потребительские общества, страховые организации и др. [10]. (Подобного рода программные установки соответствовали основному направлению развития социальной политики обществ Европы и отчасти Соединенных Штатов.)

Внутренняя структура аппарата министерства государственного призрения находилась постоянно в стадии реорганизации. К октябрю свою деятельность в рамках министерства оформили: Канцелярия Верховного Совета, Отделение общественного призрения, Бюро Временного общегосударственного комитета и Главная педагогическая комиссия.

Реформационный процесс, происходящий в 1917 году, осложнялся финансовой неразберихой и рассредоточением финансовых каналов по различным ведомствам и отделам. Всего на содержание всех благотворительных комитетов и попечительных учреждений правительством было ассигновано более 55 млн рублей [И]. В Министерство государственного призрения передавались дела из Отдела народного здоровья, дела приказов общественного призрения в неземских губерниях. Деньги по этим подразделениям находились в бухгалтерской части департамента общих дел МВД. Главную трудность составляли губернии, где до сих пор действовали Приказы общественного призрения. Здесь администрация, хозяйство, средства общественного призрения и больниц были объединены, и финансовое разделение было практически невозможным. Приказам общественного призрения принадлежал капитал в сумме 1 700 000 рублей и много пожертвованных средств от частных лиц, всего на сумму около 2 млн рублей [12]. Распоряжение этими средствами было затруднено жесткими рамками целевых заведений.

Для разрешения спорных финансовых вопросов 17 августа при Главном управлении по делам местного хозяйства было создано совещание представителей всех сопричастных к руководству этими финансами подразделений. Решением совещания было установлено: в земских губерниях все дела о больницах, лепрозориях и лечебницах для хроников передать в управление Главного врачебного инспектора, а воспитательные, сиротские, детские, богоугодные и другие заведения общественного призрения - в ведение Министерства общественного призрения. Пожертвованные капиталы делятся сообразно цели, на какую они были пожертвованы. От Министерства государственного призрения руководили процессом размежевания В.А. Дьяченко и кн. Ц.А. Гедройц.

В целом министерство наследовало функции и аппарат бывших царских именных благотворительных обществ, таких как Ведомство учреждений Императрицы Марии, Императорского человеколюбивого общества, Попечительства о трудовой помощи, Романовского, Елизаветинского и Татьянинского комитетов и ведомств, отвечающих за заботу о семьях убитых и искалеченных солдат: Скобелевский и Алексеевский комитеты и др. Хотя в документах бывшие "императорские" комитеты называли "архаическими", работники министерства признавали, что эти комитеты "обладали более или менее стройным механизмом специального производства дел". Однако после многочисленных попыток реструктуризации этих комитетов 11 августа они были упразднены. Ликвидации, проводились с представителями Государственного контроля и других ведомств в случае необходимости. Служащие бывших императорских обществ устраивали собрания, совещания, обеспокоенные дальнейшей судьбой учреждений. Так, например, Татьянинский комитет, занимающийся беженцами, собирался несколько раз весной 1917 года. 30 марта на запрос комитета о перспективах деятельности Керенский, будучи министром юстиции отвечал, что сотрудники могут спокойно заниматься беженцами; комитет ожидает только переименование, и для общего руководства работой будет направлен комиссар [13].

Судьбы именных ведомств можно проиллюстрировать на примере Ведомства учреждений Императрицы Марии (ВИМ). Курс был взят на передачу заведений ВИМ частью в Министерство народного просвещения, затем частью в Министерство призрения, о чем свидетельствует решение Временного правительства от 15 апреля 1917 года [14]. Отлаженная работа этой структуры, прежде всего многоканальное финансирование, оказались при реорганизации под угрозой. Передача ускорила распад структуры ВИМ, которая была еще работоспособной и могла оказать стабилизирующее влияние на детскую помощь в целом. Деятели дореволюционного благотворения и попечения посылали в аппарат Временного правительства требования и просьбы о сохранении Ведомства. В записке С.К. Гогеля о передаче детских приютов ВИМ в ведение земств и городов говорилось, что этот путь губителен для деятельности детских учреждений, так как ведомство представляло сложный организм, состоящий в основном из благотворительных частного типа учреждений. "Я утверждаю, - писал он, - что все эти приюты имели флаг Ведомства, во главе их стояли попечительства с чисто, по-видимому, официальным составом. В действительности же Ведомство давало гроши и все эти учреждения (капиталы и стоимость недвижимого имущества ныне много более 25 миллионов) - суть учреждение чисто частной благотворительности, жившее под покровительством губернаторов своею частной жизнью. Основатели и почетные члены-жертвователи вели все дело и содержали, пользуясь за это чинами, мундирами и т.д." [15]. Думается, для активных деятелей дореволюционного призрения было еще не ясно, что сохранение сети ведомств практически невозможно. Дело в том, что почетные члены и покровители не имели устойчивых стимулов для дальнейшей работы, и инициатива на местах угасала чрезвычайно быстро. В отставку уходили Почетные опекуны приютов и больниц, в Петрограде и Москве руководящие структуры разрушались, и контролеры практически везде заведовали хозяйственной частью. Надо признать, что столетний опыт создал довольно гармоничную и устойчивую систему, однако, как каждая общественная система, она была открытой и поэтому ранимой. Новой власти пришлось уже иметь дело с осколками "именной" системы.

Очень быстро подверглась разрушению система финансирования Ведомства учреждений императрицы Марии. В Министерство сообщалось уже весной: "Со дня революции главный доход ВИМ с увеселительных зрелищ никем не

контролируется, а потому наносит ущерб государственным доходам... книжки билетов никем не шнуруются, кроме того марки не погашаются соответственно сумме, означенной на корешке билета, а также не возвращаются книжки билетов для проверки, а остаются у владельцев". Все это приводило к массовым хищениям [16].

Переорганизация происходила в условиях войны, когда ежедневно возникали тысячи разных вопросов, связанных с инвалидами, сиротами.

В чем заключалась реальная работа аппарата Министерства государственного призрения? В архивах сохранились документы, свидетельствующие о решении сотрудниками ведомства многих персональных дел. В министерство шел постоянный поток просьб о помощи, запросов о судьбах сотрудников существовавших до революции учреждений, сообщений о тяжелом положении эвакуированных в годы войны детских приютов, богаделен и других заведений. В переписке министров мы находим конкретные дела о сиротах-инвалидах, ходатайства о пенсиях, о судьбах смотрителей больниц, врачей, прошения о повышении заработной платы от служащих государственных учреждений, просьбы о пособиях излечение в санаториях [17].

Многие граждане в условиях постоянных перемен стремились попасть под патронаж министерства, получить пенсии, единовременные пособия. Конечно, встречаются и явно авантюристические попытки воспользоваться ситуацией неразберихи с целью получения денег. Однако как раз денег у министерства и не было. Прежние каналы финансирования перекрывались, Временное правительство, действуя методом "латания дыр", практически не отпускало средств на социальные нужды. Поэтому видимой является тенденция постепенного перехода от централизованного управления работой на местах к общему руководству, передаче учреждений в ведение местных органов власти. Так, А.А. Барышников, говоря о своей программе, выразил надежду на "пробуждение в обществе интенсивной благотворительности" [18].

В период всей деятельности Временного правительства основной объем работы по-прежнему лежал на учреждениях дореволюционного периода. Забота о детях военных обеспечивалась Алексеевским, Александровским и Романовским комитетами, призрение детей гражданских родителей - Отделом МВД и Ведомством учреждений императрицы Марии.

К осени 1917 года многие детские учреждения, особенно приюты в Петрограде, прекратили практическую работу: родители или родственники разбирали детей, попечители и добровольные помощники покидали страну или были заняты насущными заботами. Эту ситуацию министерство пыталось использовать для решения проблемы детей, по военным обстоятельствам оставшихся без семьи, надзора и обучения. Так, в июле 1917 года Обществу помощи детям рабочих был передан дом по Большому проспекту со всеми службами, дровами и инвентарем, ранее принадлежащий Ведомству императрицы Марии [19]. В Предположении об устройстве приютов-распределителей, утвержденном 19 сентября, говорилось, что организация этих вспомогательных учреждений не представляет особых затруднений "ввиду освобождающихся помещений и готового кадра воспитателей, силы которых за прекращением занятий и вывозом питомцев остаются без применения, и в то же время удовлетворит один из неотложных запросов момента" [20]. (Таким путем правительство пыталось найти выход из кризиса. Постоянные реорганизации, ликвидации комитетов, переброска приютов из одних структур в другие создавали неразбериху и нервозность в работе детских учреждений. Такое положение приводило к тому, что даже при желании населения внести денежный вклад в решение проблемы беспризорности, регулировать работу оказывалось некому. Инженер А.И. Свищов писал министру призрения о кружке "Бесприютным детям №1524", которая битком набита бумажными деньгами, замок едва держится, но никто не заботится о собранных средствах.

Однако на фоне разрушения прежних систем, обеспечивающих социальную помощь детям, возникали общественные объединения для создания детских учреждений на условиях самофинансирования, самостоятельного сбора средств. Часто инициативу брала на себя православная церковь. 7 июля в Петрограде состоялся съезд военного и морского духовенства. На основании его решения была создана комиссия по сбору средств на учебно-воспитательное учреждение смешанного типа для мальчиков и девочек. Туда должны были принимать сирот военно-морского духовенства и военнослужащих - "участников Второй отечественной войны". Съезд призвал всех священников и граждан собирать средства на приют-гимназию [21]. Таким образом, прежние институты, ведавшие помощью детям, в 1917 году постепенно распадались, а у правительства не хватало средств и сил на создание заменяющих структур, которые могли бы обеспечить подобную помощь. '-

Временное правительство продолжало начатую еще в первый период войны политику государственного призрения жертв войны-увечных воинов. Министр общественного призрения кн. Шаховской заявлял, что намерен в первую очередь выполнить долг государства перед жертвами войны - инвалидами, обеспечив их лечением, протезами и сделав их трудоспособными. Этот вопрос был разработан еще в трудах Всероссийского земского и городского союзов, на совещаниях представителей земств в 1916 году. Тогда было признано необходимым создание ответственного органа, действующего не на началах благотворительности, а как установление государственного, направляющего и координирующего деятельность в этом отношении органов земского и городского самоуправления.

Пенсии увечным и их семьям распределялись через следующие фонды и канцелярии: Министерство внутренних дел, управление по воинской повинности, Начальника отделения государственной казны, Начальника пенсионного отделения Генерального штаба, Александровский, Георгиевский, Скобелевский, Алексеевский комитеты, комитет кн. Ольги Николаевны (действующий только в Петербурге), Временный общероссийский комитет помощи военноувечным. В своей работе аппаратчики министерства использовали материалы Первого всероссийского съезда делегатов увечных воинов, состоявшегося 15-22 июня 1917 года. В работе съезда принимали участие и воины, пострадавшие в довоенный

период. Требования съезда заключались в следующем: вдова, отец и мать должны получать 300 рублей в год, круглые сироты должны призреваться за счет государства, выплаты нужно производить даже при выезде из России, при получении других пенсий: страховых, за выслугу лет- государственные пенсии не отнимаются, налоги с пенсионных денег не взимаются, пенсия назначается со дня смерти и др. В результате 29 июня Временное правительство приняло указ об учреждении Общегосударственного и местных комитетов помощи военноувечным при Министерстве государственного призрения. Этот комитет обладал в рамках министерства определенной автономией и должен был разрабатывать планы помощи инвалидам, распределять кредиты, наблюдать за порядком расходования средств и т.д. [22]. К активизации работы в этом направлении настоятельно подталкивали сами солдаты. Так, общее собрание 6 роты 481 пехотного Мещовского полка 3 июля 1917 года в период подготовки наступательной операции, зная о беспомощности семей, требовало: пожизненного обеспечения семей павших воинов за счет государства, пожизненного обеспечения и лечения за счет государства инвалидов и потерявших трудоспособность на войне и их семейств, немедленного опубликования положения об инвалидах и семьях павших воинов [23].

Руководствуясь идеей государственного призрения в отношении инвалидов войны, Временное правительство прекратило практику "разрешений" на устройство частных инвалидных домов. Вот мотивация одного из отказов (Г.П. Ковшило из Петрограда) в регистрации: "Обязанность призрения увечных воинов лежит на государстве и не может быть переложена на частные общества. Препятствовать частной благотворительности правительство не будет. По вопросам же утверждения уставов нужно обращаться к местным комиссарам или судебным установлениям" [24].

Местные городские и земские комитеты организовывали реабилитационные работы для инвалидов и просили правительство о субсидиях. Камышловский комитет Пермской губернии организовал 5 мастерских, запрашивал на работу каждой по 720 рублей. В г. Екатеринославе Александровским земским городским комитетом были организованы мастерские в училищах, на работу которых требовалось 20000 рублей. Сапожная мастерская в Сызрани приглашала на работу инвалидов, испрашивая аванс 10000 рублей для трудоустройства 15 человек. Эти средства были выделены [25]. Из этого видно, что правительство пыталось опираться на местную инициативу, поддерживая ее финансовыми средствами.

Важно, что в работе по социальному обеспечению инвалидов войны Временное правительство не отказывалось от структур дореволюционного периода. Оно образовало комиссию по объединению всех фондов и разработке вопроса о категориях инвалидов и раненых. В местные комитеты были направлены запросы об адаптационной работе с увечными воинами. 19 октября 1917 года в министерстве была образована юридическая подкомиссия для определения понятия "военноувечный". Очевидно, что велась работа по подготовке полного государственного обеспечения инвалидов войны.

Таким образом, социальная политика Временного правительства отличалась следующими характеристиками:

1. Правительство не занималось перспективным развитием в этой области, а шло по следам революционного процесса, делая попытки реагировать на запросы времени. Социальная политика не была подготовлена буржуазными партиями и складывалась под давлением чрезвычайных обстоятельств.
2. Анализ указов и мероприятий в области социального призрения показывает, что буржуазное правительство имело в качестве программной перспективы систему государственного обеспечения инвалидов, детей и других категорий нуждающихся.
3. Правительство и его служащие недостаточно осторожно относились к достижениям дореволюционного периода в данной сфере и не использовали в необходимой мере те структуры, которые бы помогли не только разрешить проблемы социального обеспечения, но и смягчить нарастание социальной напряженности. Исключение составляли сохраняемые и поддерживаемые военные ведомства и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 г.: механизм формирования и функционирования. М., 1998. С.58.
2. Миллюков П.Н. Воспоминания. Т.2.М.,1990.С.287.
3. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1.27 февраля-5 мая 1917 г. Пг., 1917. С.283.
4. ГАРФ.Ф.6787.Оп.1.Д. 14.Л.13.
5. Там же. Д.1. Л.1.
6. Там же. Д.6.Л.69 (об).
7. Там же.Д.2. Л.8.
8. Там же.Д.6. С.78 (об).
9. Вестник городского самоуправления. 1917,№50,22авг.
10. ГАРФ.Ф.6768.Оп.1.Д.6.Л.8-11.
11. Белошапка Н.В.Указ. соч. С. 137.
12. ГАРФ.Ф.6787.Оп.1.Д.12.Л.4-6.
13. Там же. Д.14.Л.407.
14. Там же. Д. 14. Л. 1 б 1 -161 (об.).
15. Там же. Д.Л.36-36 (об.).
16. Там же. Д.14. Л.133.
17. Там же.Д.3. ЛЛ.1-15. Д.14. Л.170.

18. Голос инвалида. 1917. №4-5. 19 июля. С.5.
19. Там же. Д.14. Л.43-43 (об).
20. Там же. Д.6. Л.63.
21. Там же. Д.14. Л.75.
22. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып.2. 5 мая-24 июля 1917г. Пг., 1918. С.62-63.
23. Там же. Д. 14. Л. 117.
24. Там же. Д. 14. Л. 15-15 (об).
25. Там же. Д.9-9 об).